A. G. Kharchev

А. Г. ХАРЧЕВ

Brak i sem'ia v SSSR

БРАК И СЕМЬЯ В СССР

ОПЫТ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
«МЫСЛЬ»
МОСКВА 1964

Если взять, в частности, основной критерий «первичной» группы — интимность (имеется в виду не только идеологическая, но и эмоциональная близость, общность чувствования, обмен самыми сокровенными переживаниями души), то известно, что отнюдь не все соседи, члены религиозных общин и «групп» ровесников и даже члены семей находятся между собой в подобных отношениях. В дореволюционных мусульманских семьях в Средней Азии, например, отношения между отцом и взрослой дочерью, родителями мужа и невесткой были весьма далеки от интимности.

Следовательно, определение семьи как одной из «первичных групп» является несостоятельным уже потому, что оно, во-первых, исходит из неверного, механистического представления об обществе и односторонне абсолютизирует отдельное в ущерб общему, во-вторых, не дает четких критериев для выяснения самого понятия «первичная группа».

При попытках конкретизации этого определения современные буржуазные социологи зачастую еще более усугубляют эти недостатки.

А. Роуз в своей «Социологии» определяет семью как «группу взаимосвязанных людей, которые признают родство друг с другом, основанное на общем происхождении, браке или усыновлении»[1]. Под это определение подходит любая группа родственников независимо от того, где они проживают. Указание на «взаимосвязанность» ничего не изменяет, так как не раскрывается характер этой взаимосвязи. Все семьи родственников могут в соответствии с этим определением рассматриваться как единая семья, поскольку между ними имеется взаимосвязь, «основанная на общем происхождении». Следовательно, Роуз фактически определяет не семью, а родство.

Несколько иной путь избрал Э. Богардус. «Брак,— пишет он,— это институт, допускающий мужчин и женщин к семейной жизни — жизни, основанной на интимной личной связи мужа и жены ради основной цели: рождения и воспитания детей. Этот институт имеет социальную и религиозную санкции»[2]. В данном определении во главу угла ставится роль семьи как регулятора отношений между полами. Но такая точка зрения делает невозможным какое-либо различение

[1] *A. Rose*, Sociology, New York, 1957, p. 150.

[2] *E. Bogardus*, Sociology, New York, 1954, p. 75.

между семьей и браком и даже семьей и родом, так как известно, что род в первобытном обществе кроме всего прочего был и фактором, определявшим брачный статут людей.

Главная причина этих неудач буржуазных социологов в определении сущности и специфики семьи, а следовательно, и брака, состоит в том, что они предпочитают описательный способ аналитическому. Эта описательность достигла кульминационной точки в обобщающем труде современной западной социологии — «Словаре социальных наук», изданном в Вашингтоне в 1959 г. «Семья,— говорится в указанном словаре,— это группа, которая призвана учредить или урегулировать сексуальную жизнь и деторождение. Однако, хотя это и является основным для образования семейной группы, часто она продолжает существовать даже тогда, когда сексуальная связь не удовлетворяет или рождение детей невозможно, нежелательно, либо уже осуществлено. Таким образом, сам термин «семья» обычно относится к (1) первичной группе, составленной из двух родителей («естественных» или законных) и по крайней мере одного ребенка, находящегося на их иждивении; причем все они связаны чувствами семейственности. Он может быть также отнесен к (2) женатым или неженатым парам без детей; (3) к группе, состоящей из одного родителя (независимо от того, состоял ли он первоначально в браке или нет) и детей, если другой родитель неизвестен, умер, дезертировал или исчез другим образом; (4) к группе детей, живущих вместе, которые первоначально имели одного или двух родителей, живших с ними; (5) к супругу с несколькими законными супругами с детьми или без них; (6) к группе родственников и их детей, которые живут одним хозяйством. Семья является также юридической единицей, группой, имеющей определенный общественный статут, и потребительской единицей; очень часто она является религиозной, а иногда производственной группой, а также ячейкой для организации воспитания и развлечений»[1].

При всем желании автора данного определения описать все случаи семейных связей и все возможные функции семьи оно не может быть признано удовлетворительным главным образом потому, что необходимое и существенное в брачно-семейных отношениях занимает в нем такое же положение, как и

[1] «Dictionary of Social Science» by John T. Zadrozny, Washington, 1959, p. 116—117.

рассматривать в единстве, то между ними можно обнаружить логическое противоречие. В самом деле, чем выше благосостояние населения, тем меньше сил требует «индивидуация» человека и тем больше их остается для генезиса. И наоборот, случай, когда на «индивидуацию» затрачивается максимум усилий, предполагает очень низкий уровень благосостояния. Следовательно, в обоих случаях действие факторов, якобы ведущих к снижению рождаемости, должно нейтрализоваться действием факторов, обеспечивающих ее рост.

Иначе говоря, если рассматривать «социальную капиллярность» исходя не только из индивидуальных сил человека, но и из материального положения данной группы населения, то окажется, что благосостояние должно приводить не к падению, а к росту или по крайней мере к сохранению уровня рождаемости, ибо оно изменяет соотношение между «генезисом» и «индивидуацией» в пользу первого. Таким образом, признание всеобщей применимости хотя бы одной из рассматриваемых концепций неизбежно ведет к отрицанию второй.

Действительные причины бездетности многих семей в современном буржуазном обществе, как это отмечают и наиболее трезвые из буржуазных исследователей, коренятся в его экономической и нравственной неустойчивости.

В докладе проф. Розенмайера (Вена) на четвертом Международном социологическом конгрессе отмечалось, что «только в случае, если у жены есть работа, у большой семьи может появиться некоторая возможность позволить себе средний уровень жизни. Но когда жена работает, семья с более чем двумя детьми становится практически невозможной, если только родители супругов или другие родственники не возьмут на себя обязанности родителей на это время; правительственные пособия таким семьям (около 5 американских долларов в месяц) не разрешают трудностей». А. Роуз, говоря о причинах «кризиса в семейной жизни», указывает в первую очередь на факт потери мужем работы без ближайшей возможности получить другую работу. «Это случается,— пишет он,— с громадным количеством мужчин в период депрессий и спадов, когда главы семейств оказываются безработными на целые месяцы и годы. Жизненный уровень падает, и с ним исчезают многие из экономических благ, которые семья рассматривала как постоянные, такие, как дом, автомобиль и т. д. Возможно, еще важнее этого является потеря безработным мужем чувства уверенности в своих силах, сомнения относительно того, как провести вынужденный досуг, трудности приобщения к выполнению обязанностей, выполнявшихся ранее женой и детьми (которым теперь, возможно, приходится пополнять скудный доход семьи). Эти трудности могут послужить причиной развала семьи» [1].

Э. Богардус в свою очередь полагает, что кроме кризисов и депрессий одной из главных причин дезорганизации семьи можно считать жилищную нужду и высокую квартирную плату. «Когда семья из трех или четырех человек втиснется в одну комнату, нормальная семейная жизнь невозможна» [2],— констатирует он. Между тем 95% жителей Нью-Йорка живут на арендованной площади, подвергаясь всем превратностям колебания цен на нее, а «11 миллионов семей только в Соединенных Штатах живут в домах, мало пригодных для жилья. Если бы в год строили по 50 000 новых домов, то только через 200 лет удалось бы ликвидировать эту нужду» [3].

Следовательно, тому, чтобы каждая семья имела детей и по крайней мере обеспечивала простое воспроизводство численности старшего поколения, препятствуют в первую очередь не благосостояние и не «социальная мобильность», а такие факты, как низкий материальный уровень жизни большинства населения, безработица и связанное с ней настроение неуверенности, жилищная теснота и отсутствие достаточной сети детских учреждений, которые бы позволяли женщине работать на производстве без ущерба для воспитания детей.

Следует учесть также и идеологическое воздействие на семью, которое при капитализме также не способствует появлению у людей желания иметь детей. Капитализм принес угрозу детям не только в форме раннего изнурительного труда, но и в форме падения рождаемости, отмечает французский социолог Ж. Метрон. Этому в большой мере содействовала «неомальтузианская теория, провозгласившая ограничение рождаемости панацеей от эксплуатации и нищеты» [4].

Если детский труд в настоящее время юридически запрещен в высокоразвитых буржуазных странах, то неомальтузианство

---

[1] *A. Rose*, Sociology, p. 164.
[2] *E. Bogardus*, Sociology, p. 68.
[3] Там же, стр. 99.
[4] «Renouveau des idées sur la famille», p. 143.

национальных или иных предрассудков, а значит, требует такой силы чувства, которая бы оправдывала принятое решение;

получить данные о характере отношений, предшествующих браку, о продолжительности и характере предбрачного знакомства, роли родителей при заключении брака и т. д.;

определить характер зависимости между мотивами и прочностью брака путем анализа материалов бракоразводных дел.

Таким образом, исследования не сводились лишь к выяснению того, что думают о мотивах своего выбора сами люди, вступающие в брак, а имели целью получение и какого-то минимума объективных сведений, характеризующих эти мотивы. К сожалению, таких данных, которые бы непосредственно подтверждали или опровергали субъективные мнения в этой области, социология ни у нас, ни на Западе пока не знает. Более того, даже косвенные материалы здесь очень ограниченны.

«Теоретическое» отношение к браку выяснить сравнительно нетрудно. Материалы молодежных дискуссий по этому вопросу, письма в редакции газет и журналов в связи с публикуемыми там материалами о браке и семье, наконец, элементарный жизненный опыт свидетельствуют о том, что общественное мнение в СССР признает моногамию единственной нравственной формой отношений между полами и считает моральным только такой брак, который основан на взаимной любви мужчины и женщины. В абстрактно-этическом решении этих вопросов советская молодежь настолько единодушна, что оно вряд ли нуждается в какой-либо статистической конкретизации. Дополнительным подтверждением этого могут служить результаты анкетного опроса, проведенного нами в ленинградском Дворце бракосочетаний (городском загсе) в конце 1962 г. Представительность этих данных обеспечивается, на наш взгляд, следующими обстоятельствами:

1. В этом учреждении регистрируется большинство (около 85%) браков, в которых возраст жениха и невесты не превышает 30 лет, и около половины всех заключаемых в городе браков.

2. В нем не регистрируют лиц, вступающих в брак во второй и более раз. Таким образом, сам статут этого учреждения обеспечивает отбор наиболее типичных браков.

3. Структура населения г. Ленинграда является своего рода оптимальной моделью структуры городского населения страны в целом (высокий процент квалифицированных промышленных

рабочих, научной и технической интеллигенции, большая прослойка работников культуры и учащихся, минимальная доля социальных элементов, не связанных непосредственно с социалистическим производством).

4. Исследование проводилось в течение сравнительно длительного времени (2 месяца) и охватило значительное количество браков, зарегистрированных в этот период во Дворце бракосочетаний.

Всего было опрошено 500 пар и собрано дополнительно для проверки полученных результатов еще 300 анкет. В числе опрошенных рабочие (21%), студенты (28%), инженерно-технические работники (10%), служащие, врачи, работники культуры, искусства, науки, военнослужащие.

Вопрос, непосредственно относящийся к представлениям людей о мотивах вступления в брак, был сформулирован следующим образом: «Что, по-вашему, является главным условием прочного и счастливого брака?» Такая формулировка позволяла перенести «ударение» с побуждений, которые обусловили данный конкретный выбор (что могло быть воспринято как выражение оскорбительного вмешательства в личные дела), на общеморальные основы этих побуждений. В свою очередь это несколько уменьшило вероятность неправдивых ответов, так как безличная форма вопроса обеспечивала отвечающему известные гарантии против отождествления его мнения с его поведением.

Из всех брачных пар, заполнивших анкеты, 76,2% считает главным условием прочного и счастливого брака любовь или любовь вместе с общностью взглядов, доверием, искренностью, дружбой и т. д., 13,2% — равноправие и уважение, 4% — любовь и жилплощадь, 1,6% — любовь и материальные блага, 0,6% — наличие детей, 0,2% — «реальные взгляды на жизнь», остальные 4,2% не дали никакого ответа. Если даже предположить, что не ответившие близки по своим взглядам к тем, кто выдвигает на первое место в браке материальные факторы, то и тогда число этих «материалистов» составит лишь около 5% общего количества.

Это соотношение лишний раз свидетельствует о том, что моральный подход к браку стал преобладающим в советском обществе. Однако данное обстоятельство не следует истолковывать как своего рода тенденцию к аскетизму; как показали выборочные устные интервью, люди, вступающие в брак, пони-

мают всю важность экономического обеспечения супружеской жизни, но в случае возникновения несоответствия или противоречия между моральными и материальными условиями брака решают вопрос в пользу первых. Об этом свидетельствуют и ответы на вопрос анкеты: «Где Вы намерены жить после заключения брака?» Временная нехватка жилья часто ставит перед молодыми людьми, любящими друг друга, дилемму: или отложить брак и ждать получения квартиры, или же жениться вопреки неблагоприятным материальным обстоятельствам.

Какому же варианту отдается предпочтение? 9,4% из числа опрошенных ответили: «Надеемся получить новое жилье», 7,6% намерены жить в доме жениха (без родителей), 7,6% — в доме невесты (без родителей), 19,6% — у родителей жениха, 16% — у родителей невесты, 2% — «иногда у родителей жениха, иногда у родителей невесты», 15,6% будут снимать комнату, 9,8% собираются временно остаться в общежитии, 1 пара (0,2%) уезжает после брака в Сибирь, остальные ответили «не знаем» (1,4%) или вообще не ответили (10,8%). Следовательно, более четверти всех молодоженов вступили в брак, не имея необходимых жилищных условий для супружеской жизни.

В свою очередь обобщение данных о роли родителей при заключении брака дало следующие результаты. 79,6% опрошенных пар перед принятием решения о вступлении в брак спрашивали согласие родителей, причем 77,8% получили это согласие, 1% — «получили, но не сразу», и в четырех случаях (0,8%) родители жениха возражали против брака; 13% не спрашивали согласия родителей, но поставили их в известность, в 3,4% — «родители пока не знают о браке», две пары (0,4%) не имеют родителей. Остальные 3,6% не ответили на указанный вопрос.

В ходе индивидуальных бесед с молодоженами при заполнении анкеты было установлено, что выбор был сделан самим лицом, вступающим в брак, а родители лишь одобрили этот выбор. Таким образом, родители не отстраняются от участия в женитьбе или замужестве своих детей, но их роль по сравнению с частнособственническими браками существенно изменилась.

Факты, когда дети не спрашивают у родителей разрешения на вступление в брак, а лишь информируют их об этом, имеют две главные причины: недостаток уважения к родителям, нежелание считаться с ними или же опасение получить отказ.

Индивидуальные беседы с молодоженами показали, что в большинстве случаев действует первая причина. Эта свойственная части молодежи тенденция отстранения родителей от своей «личной жизни» без особых на то оснований не может не вызвать тревоги, ибо советы и поддержка, опыт и хладнокровие старших представляют собой естественный и весьма необходимый «противовес» самонадеянности, неуравновешенности, горячности и нравственной неопытности, которые иногда свойственны молодым. Там, где этот «противовес» отсутствует, ошибки молодежи при вступлении в брак более часты и тяжелы.

Случаи прямых конфликтов между родителями и детьми при заключении брака сравнительно редки. В значительной части этих конфликтов правой стороной оказываются родители, возражающие не против избранного человека, как такового, а против несерьезности, недостаточной моральной обоснованности самого выбора.

О явном приоритете моральных мотивов над материальными как в выборе супруга, так и в принятии решения о заключении брака говорят и результаты этнографического изучения брачно-семейных отношений в СССР. Как уже указывалось, до революции брак в среде эксплуататорских классов и крестьянства, составлявших подавляющее большинство населения России того времени, сопровождался обычно выплатой приданого, калыма или другими экономическими сделками.

В настоящее время все этнографические экспедиции отмечают, что приданое и калым не имеют уже массового распространения. В тех отдельных случаях, когда браку еще сопутствуют экономические сделки, они, как правило, осуждаются общественным мнением, а подчас даже заключаются родителями вопреки воле молодоженов.

Отмирание этих институтов характерно не только для центральных областей СССР, но и для отсталых в прошлом национальных окраин, а также для территорий, сравнительно недавно вошедших в состав Советского Союза. Так, экспедиция Этнографического музея Академии наук СССР, исследовавшая брачные отношения во Львовской области, еще в 1949 г. констатировала: «Приданое не имеет сейчас никакого значения... Представление о хорошем женихе и хорошей невесте изменилось, «морги» (мера земли), живой и мертвый инвентарь перестали играть роль мерила. Их место заняли собственные черты

человека, его трудолюбие, образование, положение в колхозе, в селе»[1].

В латвийской деревне, где, по свидетельству Л. Н. Терентьевой, до Советской власти брачные отношения в большинстве случаев строились на материальном расчете и где в случае смерти главы семьи его вдова обычно сразу же выходила замуж за одного из его младших братьев, дабы не дробить имущества, в настоящее время письменные брачные контракты фактически изжиты и денежно-имущественные проблемы не играют существенной роли при заключении брака[2]. Это подтверждается и наблюдениями Л. Ефремовой, которая на основании этнографического изучения быта колхозников-рыбаков Видземе также констатирует, что «приданое потеряло экономическое значение»[3].

В Туркмении в борьбе за новые, основанные на коммунистической морали принципы заключения брака наряду с молодежью активно участвуют и старики (аксакалы). Благодаря своему огромному, основанному на вековых традициях нравственному авторитету советы аксакалов в тех селах, где они действуют, добились почти полного исчезновения калыма и принудительных браков.

Об отмирании старых, собственнических мотивов брака и торжестве нового идеала супружества в какой-то мере свидетельствует также «расшатывание» обычая, согласно которому молодая пара должна обязательно жить в доме жениха. Если раньше «примаки» были людьми открыто или тайно презираемыми, то теперь вопросу о том, кто из молодых к кому приходит в дом, просто не придают значения.

Вместе с тем этнографические исследования говорят о том, что превращение брака в дело личного выбора лиц, вступающих в него, далеко не всегда влечет за собой серьезность и достаточную нравственно-психологическую обоснованность этого выбора[4]. В письмах, поступающих в редакции молодежных газет и журналов, любовь также иногда трактуется как простое предпочтение одного из «имеющихся налицо» объектов другим. Соответственно и брачный выбор сводится к решению вопроса: кто из возможных «кандидатов» в супруги больше

---

[1] «Советская этнография» № 4, 1950, стр. 148.
[2] См. «Советская этнография» № 3, 1958, стр. 65—67.
[3] «Советская этнография» № 3, 1960, стр. 70.
[4] См. «Село Вирятино в прошлом и настоящем», стр. 226.

подходит для этой роли? Такой «подход», разумеется, исключает как длительное ожидание настоящей, большой любви, если она оказывается невозможной в данный момент, так и неразделенную любовь, любовь без взаимности и соответственно борьбу за любимого человека.

Существование подобных критериев выбора супруга в условиях, когда экономические и религиозные узы, скреплявшие старый брак, значительно ослабили свое действие, не может не сказаться на прочности и устойчивости брачных отношений. Конечно, по мере дальнейшего роста нравственной и эстетической культуры населения эти элементы несоответствия между общественным идеалом брака и тем, что можно назвать «брачной практикой» отдельных людей, будут постепенно изживаться, но в настоящее время такое несоответствие, к сожалению, еще существует и не должно игнорироваться.

Что же касается роли родителей при заключении брака, то этнографические исследования, проведенные в сельских местностях и районах с сильными патриархальными пережитками, вносят некоторые уточнения в те выводы, которые сделаны нами на основе ленинградских материалов. Так, экспедиция, руководимая С. М. Абрамзоном, констатировала, что в киргизской деревне «далеко не все браки, заключенные по взаимному соглашению молодых людей, получили одобрение родителей обеих сторон, хотя в большинстве случаев родители не препятствовали желаниям молодых людей. Около половины браков было заключено без получения согласия родителей одной из сторон, чаще всего против воли родителей девушки»[1].

Однако как факты легкомысленного или утилитарного отношения к браку, так и факты вмешательства родителей в выбор супруга не связаны с природой социалистического строя. Поэтому они имеют локальный (по отношению ко всей массе заключаемых в стране браков) и временный (по отношению к процессу развития брачно-семейных отношений в СССР) характер. Господствующая же тенденция такова, что свобода и личный выбор супруга все больше сочетаются с серьезностью и нравственной мотивированностью этого выбора, с новым, моральным характером родительского влияния на него.

Одним из немногих объективных источников данных о мотивах и сущности брака является изучение возрастов молодо-

---

[1] *С. М. Абрамзон, К. И. Антипина* и др. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, стр. 241.

Поскольку количество детских воспитательных учреждений в СССР из года в год увеличивается, систематически возрастает и численность воспитываемых ими детей. Однако, как показывают приведенные выше статистические данные, в настоящее время для большинства детей дошкольного возраста основной средой воспитания остается семья. Будучи частью общества, его «ячейкой», семья по отношению к детям служит прежде всего проводником социального влияния. Но она не просто посредничает между обществом и ребенком, а и сама в значительной мере определяет характер воспитания.

Какова же эта мера и от каких факторов зависит характер воздействия семьи на детей?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы провели изучение семей, дающих наибольшие «отклонения» от идеала социального воспитания. Было обобщено 500 дел о правонарушениях малолетних в Ленинграде за 1959—1960 гг. Из этого количества 185 детей имели обоих родных родителей, 13 — мать и отчима, 2 — отца и мачеху, 267 — одну мать, 25 — одного отца, 3 — одну бабушку, 2 — одну сестру и 3 — других родственников (кроме отца и матери).

Следовательно, первый вывод, который можно сделать из данного исследования, состоит в том, что детский аморализм и преступность имеют в неполных семьях (таких, где нет отца, матери или того и другого) гораздо более благоприятные условия для своего развития, чем в полных.

Изучение конкретных причин детского аморализма и преступности показало, что из общего количества 200 случаев, когда ребенок имел обоих родителей (в том числе и отчима или мачеху), в 160 случаях главная причина состояла в постоянном пьянстве родителей (в том числе отца — в 121, матери — в 9 и обоих родителей — в 30 случаях), в 18 случаях — в семейных разладах, не связанных с пьянством, и в 22 случаях — в недостаточном присмотре за детьми.

В связи с этими данными представляет большой интерес следующий факт: продавец гастронома № 14 в Ленинграде Борис К., отец троих детей, в течение ряда лет систематически пьянствовал, избивал и выгонял из дома жену и детей, дважды пытался изнасиловать свою 16-летнюю дочь. В результате такого «воспитания» дети встали на путь преступлений: сын в момент обследования находился в заключении, дочь — в дет-

ской воспитательной колонии, сам же К. был лишь однажды арестован за мелкое хулиганство!

Этот пример служит тяжелым укором и милиции, и прокуратуре, и общественности, которые зачастую «прощают» тяжелейшие преступления лишь потому, что они совершаются в семье.

Причины детского аморализма и преступности, характерные для полных семей, повторяются — причем примерно в такой же пропорции — и в неполных семьях. Из 267 случаев, когда малолетний правонарушитель воспитывался одной матерью, в 234 случаях главной причиной преступления были ее систематическое пьянство и беспорядочная половая жизнь и только в 33 случаях — недостаток присмотра за ребенком по каким-либо другим причинам.

Пьянство и аморализм родителей пагубно влияют на детей любого пола и возраста, но не в одинаковой мере. По нашим наблюдениям, на девочках это влияние сказывается больше, чем на мальчиках, а на мальчиках «предподросткового» возраста больше, чем на подростках. Это, по-видимому, объясняется тем, что мальчики, и особенно подростки, более самостоятельны по отношению к семье и родителям и на них сильнее воздействует окружающая общественная среда.

Таким образом, семейное воспитание зависит от многих обстоятельств, среди которых главную роль играет образ жизни и поведение родителей. В этом смысле социологические данные могут лишь подтвердить наблюдения и выводы А. С. Макаренко, который, обращаясь к родителям, писал: «Ваше собственное поведение — самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету — все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы или хвастливы или вы пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вы уже причиняете огромный вред вашим детям,